Кринко Е.Ф. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг. как предмет изучения в современной историографии / Е.Ф. Кринко // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 286-274.

Е. Ф. Кринко

ПОВСЕДНЕВНЫЙ МИР СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА 1920—1940-х гг. КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ *

В последнее время «реабилитация» жизни и чувств «обычных» людей сопровождается обращением исследователей к проблемам их повседневного существования. Это позволяет «увидеть длинные промежутки истории, разобраться в мелочах жизни, в негероическом повседневном выживании» [1, с. 11].

Актуализация проблем повседневности. Понятие «повседневность» в русском языке имеет значение будничности, привычности, обыденности того, что происходит изо дня в день и поэтому само по себе ничем не примечательно. Вследствие этого повседневность выступает как совокупность хорошо знакомых явлений действительности, при этом с большим трудом репрезентируемых, верифицируемых, что существенно осложняет ее изучение. Актуализация проблем повседневности обусловлена признанием ее необходимости и неизбежности для существования человека как индивида, реализующего жизненные потребности. Постоянство в воспроизводстве повседневности как системы отношений и ценностей неизбежно заставляет все социальные институты, включая и государство, «вписываться» в нее или, наоборот, подавлять ее.

Не менее важным признаком обыденного существования считается повторяемость, доходящая до цикличности и ритмичности событий. В жизни большинства людей чередуются более или менее общие моменты (пробуждение, гигиенические процедуры, прогулки или занятия спортом, приготовление и прием пищи, пребывание на работе, учебе или службе и т. д.). Существуют недельные, сезонные, годичные ритмы жизнедеятельности человека. Исследователи обращают внимание на замкнутость типичных пространств повседневности: домашнего — спальни, кухни, гостиной; учебного — аудиторий, лекционных и спортивных залов, рекреаций; производственного — офисных, производственных, складских, подсобных помещений [2, с. 15—16]. Устойчивость, выражающаяся в постоянстве окружающих вещей, а также социальных статусов и ролей, создающих привычную социальную структуру, сопровождается взаимозаменяемостью субъектов как их носителей и обеспечивает стабильное воспроизводство социальных отношений.

Человек сам создает собственный мир. Социологи отмечают, что в процессе формирования социального порядка, освоения определенной среды и привыкания к ней выработанные навыки человека «преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах» [3, с. 69]. Повседневность выступает результатом социального конструирования, вбирающего достаточно длительный исторический опыт, что придает обыденной жизни определенный консерватизм. В то же время именно в повседневной сфере возникают новации, определяющие направления социальных трансформаций.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920—1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Кринко Евгений Федорович — заместитель директора Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (г. Ростов-на-Дону, Россия), доктор исторических наук

Феномен повседневности находится в центре внимания представителей различных областей гуманитарного и социального знания: философов и социологов, антропологов и культурологов. Современное понимание повседневности во многом опирается на принципы и основные положения феноменологической социологии Э. Гуссерля и А. Шюца, этнометодологии Г. Гарфинкеля, теории прагматизма У. Джеймса, теории социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, другие концепции и подходы. В историографии обращение к проблемам повседневности было тесно связано с появлением работ представителей школы «Анналов» М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри и других историков. Свой путь в понимании повседневности предлагает микроистория как направление, обращающее внимание на судьбы отдельных людей, не попадающих в разряд «замечательных», или небольших социальных групп, локализованных в рамках определенного исторического времени и пространства. Рассматриваемое направление использует микроанализ в качестве своеобразного «увеличительного стекла» или «микроскопа», позволяющего разглядеть существенные стороны явлений и событий, ранее остававшихся за пределами исторических исследований.

История повседневности в советской и российской историографии. В советской историографии проблемы истории повседневности относились к малоизученным и, как правило, маргинальным сюжетам. Тем не менее медиевисты, прежде всего А. Я. Гуревич, разрабатывали проблемы средневековой истории и культуры с позиций, достаточно близких школе «Анналов». Немало внимания советские историки и обществоведы уделяли образованию и здравоохранению, формированию «социалистического образа жизни», складыванию новых форм досуга и быта граждан СССР. Однако приводимые ими сведения, как правило, выступали лишь второстепенными дополнениями, иллюстрировавшими процессы социалистического строительства, их изложение находилось под значительным влиянием идеологии. В частности, все проблемы в бытовой сфере объяснялись сохранением «пережитков» прошлого или «нарушением принципов социализма».

Современные тенденции в развитии гуманитарных и социальных наук в России и других постсоветских государствах позволяют осмыслить повседневность как «полноправную» научную дефиницию. Разработкой проблем истории повседневности на материалах разных исторических эпох занимается широкий круг различных исследователей. При этом сохраняются существенные различия в понимании природы и сущности повседневности как предмета исторического исследования. По словам Ш. Фицпатрик, некоторые подразумевают под «повседневностью» главным образом сферу частной жизни. Другие рассматривают жизнь трудовую, модели поведения и отношения [4, с. 7]. Указанные подходы имеют право на существование, поскольку рассматриваемые сюжеты вполне могут быть отнесены к вопросам повседневной жизни советского общества, однако механическое соединение их грозит не только эклектикой, но и полной утратой смысла в использовании данного понятия. Б. Вальденфельс отмечал, что в этой ситуации следует соблюдать особую осторожность, «понятия, часто привлекающие к себе внимание ученых, могут приобретать неконтролируемую многозначность и потерять собственное содержание», в результате «обыденная жизнь» может стать названием для разнородных явлений. Он указывал, что обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов «оповседневнивания», которым противостоят процессы «преодолевания повседневности». Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры. Б. Вальденфельс предлагал «генеалогию повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни» [5].

Поэтому серьезное значение имеет определение четких границ повседневности как предмета исторического исследования и его соотнесения с другими близкими ему понятиями.

В первую очередь это касается понятия быта, как части физической и социальной жизни человека. В широком смысле быт рассматривается как уклад повседневной жизни. Еще в XIX в. вышли основательные труды И. Е. Забелина, посвященные истории быта русского народа. Разработкой данной темы занимались Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский и другие известные российские историки. Но, как отмечает Н. Л. Пушкарева, историки быта часто фиксировали внимание не на самом распространенном и обыденном, а на «экзотике»: на скуке и однообразии жизни «женских половин» в теремах, хотя теремными затворницами были дочери родовитых московских землевладельцев [6, с. 94].

В конце XIX в. быт стал рассматриваться в передовой общественной мысли как «темное царство» застоя и рутины, и русская интеллигенция повела решительную борьбу с этим миром пошлости и мещанства. Волны борьбы с бытом периодически возникали и в Советской России. Так, в предвоенные и послевоенные годы революционный аскетизм вышел из моды, однако в конце 1940-х гг. борьба с «мещанством и пошлостью» вновь возобновилась. В современной историографии подчеркиваются различия между этнографическим описанием быта и изучением истории повседневности. Если этнограф воссоздает быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что их в быту окружало. Историки повседневности видят одну из своих задач в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий с администрацией и предпринимателями [6, с. 96—97].

Нередко повседневность соотносят с частной и личной жизнью, означающими индивидуальное пространство человека. Само понятие личной жизни появилось в Новое время, до этого человек воспринимался как представитель определенного сословия, социопрофессиональной, этнокультурной или кланово-корпоративной группы, а не как личность. В то же время частная сфера как совокупность эмоциональных отношений и связей, основанных на личных пристрастиях, существовала всегда. Сферы частной жизни и повседневной достаточно близки, во многом пересекаются, но полностью не совпадают. Согласно Н. Л. Пушкаревой, историк частной жизни изучает лишь одну из сфер повседневной жизни, а именно ту, которая зависит от индивидуальных, частных решений [6, с. 100].

Повседневный мир советского человека. Впервые интерес к изучению повседневного мира советского человека проявился у представителей ревизионистского направления в западной исторической науке — М. Левина, С. Коэна, но особенно Ш. Фицпатрик, уделяющей внимание «обиходной практике, т. е. тем формам поведения и стратегиям выживания и продвижения, которыми пользуются люди в специфических социально-политических условиях» [4, с. 7]. Среди российских историков в первую очередь следует отметить С. В. Журавлева и А. К. Соколова [7; 8], Е. А. Осокину [9] и Е. Ю. Зубкову [10], И. Б. Орлова [11] и Е. С. Сенявскую [12]. Достаточно активно проблема разрабатывается и в историографии других постсоветских государств. Так, украинскими историками подготовлен целый ряд серьезных коллективных работ, посвященных эпохе нэпа [13] и послевоенному периоду развития [14] в рамках специальной серии исследований по истории повседневной жизни Украины.

Обращение к указанной проблеме определяется не только тем, что мир советского повседневья представляет собой уникальное и пока еще недостаточно изученное историческое явление, но и тем, что он оказался достаточно устойчивым к переменам последних десятилетий, а его влияние продолжает сказываться до сих пор в сознании и поведении «постсоветского человека». Анализ жизненных стратегий советских граждан в условиях сталинизма позволяет понять их умение приспосабливаться к существующим нормам, навыки обхода запретов, выживания в самых суровых и жестоких обстоятельствах, оценить степень действительного контроля власти над обществом и выявить зоны, оставшиеся ей неподконтрольными. Именно с переосмысления нацистского режима в контексте истории повседневности началось развитие данного направления в Германии, продемонстрировавшего «истин-

ные масштабы поддержки и преданности, которые оказывали нацистскому режиму самые “обыкновенные люди” в их стремлении “выжить”» [15, с. 78—79].

Основы нового уклада повседневной жизни в Советской России были заложены в 1920—1940-х гг., что обусловливает особый интерес к социокультурным и социально-психологическим процессам периода, когда парадоксально соединились черты старого и нового быта. Реформирование самих основ жизнедеятельности наталкивалось на устойчивость форм и способов удовлетворения жизненных потребностей, стереотипы мышления и поведения огромных людских масс. В экстремальных условиях глубоких социальных трансформаций 1930-х гг. и военного времени окончательно сформировалась новая советская повседневность. Подвергаясь в послевоенное время дальнейшим трансформациям, она просуществовала еще несколько десятилетий в качестве системообразующего комплекса отношений.

Анализ опыта осмысления концепта повседневности позволяет рассматривать ее как целостную социокультурную реальность, совокупность жизненных укладов, привычных социальных взаимодействий. В качестве важнейших составляющих повседневного мира советского человека выступают структуры повседневности, воплощенные в фундаментальных социальных потребностях и призванных их удовлетворять социальных институтах, повседневные поведенческие и речевые практики, стратегии выживания и адаптации людей к менявшимся условиям социальной и природной среды. В центре внимания исследований повседневности оказывается также анализ рутинных форм сознания и социальной практики, схем типизации объектов социального мира.

Изменения в быту советского человека свидетельствовали, что с 1920 г. в прошлое действительно уходила целая эпоха: сахар вытеснял мед, резиновые и кирзовые сапоги — лапти и валенки, фабричной вязки свитеры и пуловеры — домотканые понёвы и шали, парикмахерские стрижки — косы, автомобиль — лошадь, запряженную в телегу [2, с. 201]. Однако быт и нравы советского социума нередко приукрашивались, и в современной историографии ставятся под сомнение выводы советских историков о постоянном повышении уровня жизни населения СССР. Так, анализ материалов бюджетных обследований позволяет считать, что наиболее высокий уровень жизни рабочих в СССР пришелся на завершающий период нэпа, 1926—1928-е гг. Начало индустриализации привело к его быстрому падению в результате роста цен и снижения покупательной способности рубля, введения карточной системы. И только к концу 1930-х гг. он был восстановлен. Е. А. Осокина считает, что 1926 г. стал последним благополучным годом для городского населения, после которого в стране начал развиваться товарный кризис, породивший особую социальную психологию и культуру дефицита, ставшую важнейшей составляющей советской ментальности [9]. Неизбежными атрибутами советской жизни, видимым проявлением товарного дефицита в условиях плановой экономики и централизованного распределения стали очереди [9, 16]. Исследователи обращаются и к другим аспектам и феноменам повседневной жизни советского человека. В частности, к коммунальной квартире и связанному с ней коммунальному быту. Поколения, выросшие в коммунальных или перенаселенных квартирах спальных районов, «по сути, не знают дома как личного обустроенного пространства, как места, концентрирующего память рода и традиции семьи» [17, с. 475; 18].

Попытку представить историю Советской России как совокупность окружающих человека житейских мелочей предприняла Н. Б. Лебина. Повседневная жизнь советских людей предстает в ее изображении множеством вещей, понятий, знаков и символов, образующих единую систему со своей внутренней логикой [19]. Неожиданный взгляд на советское общество и его повседневность предложила О. Ю. Гурова. Она рассматривает советский социум через его отношение... к нижнему белью, считая, что оно по-своему олицетворяло устройство государства, воплощая все признаки безликого продукта социалистической промышленности, но заменившего советскому человеку другие проявления гражданской сво-

боды [20]. Внимание исследователей привлекают алкогольная политика и «пьяная культура» в Советской России [21], повседневная жизнь и быт различных, в том числе маргинальных, групп.

Французский философ и историк М. де Серто ввел понятие «практики повседневной жизни», под которыми понимал разнообразные способы сопротивления, спонтанно изобретаемые и используемые «простыми» людьми, чтобы изменить, перевернуть, обратить в свою пользу те представления и ритуалы, которые насаждаются официальными институциями власти, идеологии или потребительской культуры. Он также обратил внимание на риторику повседневной жизни, на использование приемов дискурса, которые охарактеризовал как мелкое ниспровержение официальных кодов поведения [22]. В свою очередь, Н. Н. Козлова указывала, что повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ или доктрин социального изменения, а «образуют своеобразные “свободные зоны”, защищенные или защищающиеся от институциональных давлений» [23, с. 48]. Она рассматривала повседневность как поле создания и функционирования различных систем символов, в первую очередь особого идеологического языка. Обосновывая свою точку зрения, исследовательница проанализировала немало автобиографических и иных документов «человеческой истории советской эпохи» — писем, дневников, устных рассказов — как «документов наивного письма» [24].

В последнее время российские и зарубежные исследователи обратились к различным неофициальным и неформальным практикам, сложившимся в СССР в предвоенный и военный период. Само их существование позволяет считать, что помимо официального партийно-идеологического мира существовало «некое подобие “гражданского общества”, охватывавшего широкий спектр практик от оппозиционных политических групп до совершенно деполитизированных “параллельных” способов жизнеустройства, “теневого рынка”, несмотря на борьбу с ним» [25]. В частности, раскрываются механизмы выживания советских граждан в голодные годы: «отход» на заработки и массовое «мешочничество», использование в пище различных суррогатов, бандитизм и воровство. И. Б. Орлов полагает, что голод ослабил жизнеспособность выживших, резко изменил психику и поведение граждан, особенно молодого поколения. Произошла нравственная и социальная деградация, проявившаяся в росте преступности, вымогательства и взяточничества [26].

В данном контексте особое значение приобретают и вопросы взаимодействия советских граждан с властью. Всеохватывающее влияние государства сказывалось особенно сильно, и советский гражданин был вынужден выстраивать свою жизненную траекторию, стремясь соответствовать идеальным канонам: «...история маленьких житейских мирков прочно связана и с политикой, и с экономикой. Даже в мелочах быта человек любого общества в меньшей или большей степени подчиняется суждениям власти» [27, с. 6]. Историки показывают, «каким образом при тотальном контроле государства и его стремлении к повсеместной регламентации люди находили в себе возможность самостоятельно думать и действовать, поступать сообразно собственным представлениям о хорошем и дурном, дозволенном и постыдном». Т. П. Хлынина отмечает, что исследователи «вплотную подошли и к разрешению самого, пожалуй, болезненного вопроса того времени, связанного с ценой и нравственными издержками, которые общество согласилось заплатить за построение нового и неведомого для себя будущего» [28].

Военная повседневность. Предметом специального изучения становится военная повседневность, характеризуемая усилением чрезвычайности во всех сферах жизни общества. Впрочем, советская повседневность вообще с трудом воспринимается как норма. Ш. Фицпатрик утверждает: «Эта жизнь, как в их собственном понимании, так и в нашем, не была нормальной: для живущих в чрезвычайное время нормальное существование становится роскошью» [2, с. 7]. Война вызвала новую волну коренных сдвигов в жизни людей, массовую

социальную мобильность, миллионы советских граждан меняли место и образ жизни, свои занятия и основные предпочтения.

Начало разработки проблем военного повседневья в современной российской историографии связано с работами Е. С. Сенявской. В ее исследованиях рассматривается формирование в годы Великой Отечественной войны особого типа личности, который она определила как комбатанта — «человека воюющего». Автор подчеркивает, что война порождала новые общие стереотипы поведения. Свое влияние на сознание людей оказывали как социально-демографические факторы, так и внешние условия — конкретная боевая обстановка, характер физических и нервных нагрузок, специфика контактов с противником, особенности военного быта и др. В качестве самостоятельной проблемы выделены роль религии и атеизма на войне, солдатские суеверия как форма бытовой религиозности, солдатский фатализм и отношение к смерти на войне. Е. С. Сенявская впервые в историографии поставила вопросы о сложностях «выхода» из войны поколения фронтовиков [12].

Решению этих исследовательских задач во многом способствуют публикации источников личного происхождения, выход новых работ, свидетельствующих о том, что жизнь советских солдат и командиров на войне в промежутках между боями была заполнена решением самых различных бытовых и далеко не всегда «героических» вопросов. Постепенно находит свое отражение в историографии и повседневная жизнь в советском тылу, партизанских отрядах и на оккупированной территории [29].

Таким образом, повседневный мир советского человека постепенно приоткрывается перед исследователями, что позволяет лучше представить себе то, каким образом складывались обстоятельства жизни отдельных людей и каковы характерные особенности существования советского социума в целом. Однако на этом пути остается еще много недосказанного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойм, С.* Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.

2. *Касавин, И. Т.* Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. М. : Канон+, 2004. 432 с.

3. *Худенко, А. В.* Повседневность в лабиринте рациональности / А. В. Худенко // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 67—74.

4. *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик; пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2001. 336 с.

5. *Вальденфельс, Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос / пер. с англ., нем., фр. М. : Прогресс, 1991. С. 39—50.

6. *Пушкарева, Н. Л.* «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий / Н. Л. Пушкарева // Социальная история. Ежегодник, 2004. М. : РОССПЭН, 2005. С. 93—112.

7. *Журавлев, С. В.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы / С. В. Журавлев, А. К. Соколов // Социальная история. Ежегодник 1997. М. : РОССПЭН, 1998. С. 287—232.

8. *Журавлев, С. В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920—1930-х гг. / С. В. Журавлев. М. : РОССПЭН, 2000. 352 с.

9. *Осокина, Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941 / Е. А. Осокина. М. : РОССПЭН, 1997. 271 с.

10. *Зубкова, Е. Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 / Е. Ю. Зубкова. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.

11. *Орлов, И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. М. : ГУ ВШЭ, 2009. 317 с.

12. *Сенявская, Е. С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России / Е. С. Синявская. М. : РОССПЭН, 1999. 383 с.

13. Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921—1928 рр.). В 2 ч. Відп. ред. С. В. Кульчицький. К. : Ін-т історії України НАН України. Ч. 1. 2009. 445 с. Ч. 2. 2010. 382 с.

14. Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х — середина 1950-х рр.). Відп. ред. В. М. Даниленко. К. : Ін-т історії України НАН України, 2010. У 2 кн., 3 ч. Ч. 1—2. 351 с. Ч. 3. 336 с.

15. *Людтке, А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людке // Социальная история. 1998. М. : РОССПЭН, 1999. С. 77—100.

16. *Николаев, В. Г.* Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни / В. Г. Николаев // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 1. С. 96—112.

17. *Щербаков, В. П.* Homo soveticus в сетях повседневности / В. П. Щербаков // Человек постсоветского пространства: сб. мат-лов конф. Вып. 3. СПб. : Санкт-Петербург, философ. общ-во, 2005. С. 471—476.

18. *Герасимова, Е. Ю.* Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда — Ленинграда, 1917—1991). Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Герасимова. СПб., 2000. 23 с.

19. *Лебина, Н. Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: Контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 442 с.

20. *Гурова, О. Ю.* Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью / О. Ю. Гурова. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 287 с.

21. *Багдасарян, В. Э.* Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов. М. : Изд-во МГОУ, 2005. 176 с.

22. *Серто де, М.* Хозяйство письма / М. де Серто // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 29—46.

23. *Козлова, Н. Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 47—56.

24. *Козлова, Н. Н.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосоциологического чтения / Н. Н. Козлова, И. И. Сандомирская. М. : Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996. 256 с.

25. *Бибиков, А.* Профилактики тотализующего мышления / А. Бибиков [и др.] // Художественный журнал. 2009. Март. № 71/72. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xz.gif.ru/numbers/71-72/profilaktiki. Дата доступа: 09.11.2011.

26. *Орлов, И. Б.* Между «Царь-голодом» и «товарищем Урожаем» (1921—1922 гг.) / И. Б. Орлов // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М. : РОССПЭН, 2004. С. 467—485.

27. *Лебина, Н. Б.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия / Н. Б. Лебина, А. Н. Чистиков. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 340 с.

28. *Хлынина, Т. П.* Социальная история советской Адыгеи: очерки политической антропологии. 1930-е годы / Т. П. Хлынина. Майкоп : ООО «Аякс», 2004. 62 с.

29. *Кринко, Е. Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943 гг.) / Е. Ф. Кринко. Майкоп : Изд-во АГУ, 2000. 242 с.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена повседневности, анализирует сущность данного концепта и основные подходы к его пониманию. В ней рассматриваются проблемы изучения повседневного мира советского человека в 1920—1940-е гг. в современной историографии.

SUMMARY

The article was devoted the daily occurrence, analyzes essence of data concept and the basic approaches to its understanding. In it problems of studying of a daily world of the Soviet person in 1920—1940 years in a modern historiography are considered.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2011 г.